

ОСТРЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Это был первый визит Быкова в Мексику. Можно было только удивляться, что за пять лет странствий он так и не побывал в этой удивительной стране. Как-никак, огромная, прелюбопытная и таинственная территория со ста миллионами жителей. Хотя расположена в Северной Америке, но вобрала в себя множество традиций Южной, соединив все лучшее и худшее, что есть в Новом и Старом свете. И если сама Мексика по праву входит в первую десятку крупнейших стран мира, то ее столица вообще превосходит все прочие, давая приют двадцати пяти миллионам человек.

Попав в Мехико, Быков почувствовал себя так, словно очутился на другой планете. Это был не город и даже не мегаполис. Это был целый мир, поразительный и незнакомый.

Каждый день приносил сюрприз за сюрпризом, так что голова шла кругом! Быков приготовился мучиться от жары, но мексиканское лето оказалось ничуть не жарче, чем то, к которому он привык у себя дома. Кондиционеров, правда, было маловато. Этим Мексика мало отличалась от родины. Зато все остальное заставляло удивляться на каждом шагу. То тебя угощают конфетами с перцем, то ты видишь, как в продуктовых магазинах кактусы продаются на манер нашей картошки, то едва уворачиваешься от велосипедиста с бурлящим котлом, в котором варится кукуруза, а то заглядываешь в захудалую уличную такерия, пробуешь треугольный мексиканский пирожок и понимаешь, что не уйдешь отсюда, пока в желудке остается хотя бы сантиметр свободного места.

Собираясь в поездку, Быков не знал, что именно будет фотографировать. Какой-то одной, узкой специализации у него не было. Быков снимал и величественные ландшафты, и городские пейзажи, и экзотических животных, и морских хищников. С тех пор, как он сделал себе имя в ведущих географических изданиях мира, ему не обязательно было согласовывать свои проекты с редакторами и арт-директорами. Его фоторепортажи из разных уголков света шли на ура и сами по себе. Как могло быть иначе с работами человека, принимавшего участие в открытии Атлантиды и разгадавшего тайну Бермудского треугольника? Добившись известности, Дмитрий Быков приобрел нечто более важное, чем деньги. У него появилась свобода. Как творческая, так и личная.

Вот почему, блуждая по исполинскому Мехико, он мог позволить себе не торопиться с выбором тем и кадров. Он просто наслаждался здешней атмосферой, так выгодно отличавшейся от обстановки других столиц, где все нетерпеливы и нетерпимы, суетливы и напряжены, обособлены и неприкаянны. В Мехико люди тоже спешили, как, скажем, в Лондоне или Токио, но спешили они иначе... у них были счастливые лица. Улыбались индейцы, нарядившиеся в шаманов, чтобы зарабатывать себе на хлеб, улыбались продавцы мороженого и бизнесмены в белоснежных рубашках, смуглые детишки и молодящиеся проститутки, крестьяне и сапожники, таксисты и полицейские. И ведь все были поголовно трезвые, так что пьяной эйфорией веселость нрава мексиканцев не объяснялась. Текила продавалась чуть ли не на каждом углу, однако потребляли ее главным образом иностранные туристы и гринго, как называли здесь американцев.

Быков благоразумно ничего крепче пива не пробовал. Выпить как следует он умел и любил, но только не во время путешествий. Находясь в «свободном полете», он не хотел терять остроту ощущений и ясность восприятия.

Чуть ли не каждый день звонила Лиззи Шеннон, и, общаясь с ней, Быков все больше преисполнялся уверенности в том, что дальше помолвки дело у них не пойдет. Она тоже

это понимала. Окончательно все прояснилось утром того дня, когда Быкову предстояло испытать самое сильное потрясение в своей жизни.

В буквальном смысле.

— Знаешь, — сказала Лиззи виновато, — я не уверена, что у нас получится пожениться этим летом. Эдвард еще как-то готов смириться, но Генри неумолим. Давай подождем, пока он хотя бы в колледж поступит, ты не против, Дима?

Речь шла о ее сыновьях, довольно взрослых парнях, которые были не в восторге от связи матери со «славянским ма-чо», как они называли Быкова. Сам он тоже не рвался усыновлять двух британских тинейджеров, потому что понятия не имел, что с ними делать и как их воспитывать. И вообще ему не хотелось переезжать в Лондон.

— Я не против, — сказал Быков. — Послушай, Лиззи, ты вообще не обязана хранить мне верность и держать данное слово.

— Нет, нет! — поспешно возразила она. — Мы столько пережили вместе, что было бы нечестно...

— Вот именно, — перебил он. — Когда на нашу долю выпали испытания, мы привыкли держаться вместе и решили, что это любовь. А может, я и вправду любил тебя там, на плоту, среди океана...

— И на корабле, — мечтательно продолжила Лиззи. — Помнишь, как все сияло и переливалось по ночам, когда всплывали эти ужасные пузыри? Если бы не ты, я бы, наверное, просто сошла с ума.

— Я всегда буду рядом, когда понадобится, — пообещал Быков. — Только позови. Но для этого совсем не обязательно быть вместе, пока смерть не разлучит нас и все такое. Понимаешь, о чем я говорю?

— Ты правда не обидишься?

Ее голос дрогнул. Не от сожаления. От радости.

Быков отчетливо представил себе ее, сидящую за тридевять земель. Волосы, как обычно, собраны на макушке, но непослушные пряди все равно свисают вдоль лица. Глаза печальные, указательный палец произвольно трогает

переносицу, не очень удачно сросшуюся после давнишнего перелома.

— Не обижусь, — сказал Быков. — Я тебя люблю.

— Но тогда, значит...

Она замешкалась, подбирая нужные слова. Он воспользовался паузой, чтобы заверить ее:

— Это значит лишь то, что я сказал. Мы не обязаны устраивать совместную жизнь, менять свои привычки и жертвовать чем-то ради друг друга. Мы взрослые люди. И ни один из нас не улетает на Марс, верно? Так что, если нам захочется сойтись, мы всегда можем сделать это.

Лиззи облегченно засмеялась. Быков тоже почувствовал себя так, будто сбросил непосильный груз. Несмотря на то что английский язык был усвоен им в совершенстве, он весь взмок, пока закончил этот разговор. И решил, что вправе устроить себе небольшой праздник. Взять бутылку хорошего вина, заказать настоящий мексиканский обед и посидеть где-нибудь, обдумывая дальнейшие планы.

Итак, куда податься?

На выручку, как водится, пришел интернет, знающий абсолютно все и готовый помочь любому человеку, который способен отделить нужную информацию от словесной шелухи.

Очень скоро выбор был сделан. В Мехико имелся один из самых больших вращающихся ресторанов в мире. Назывался он «Беллини» и располагался на крыше сорокачетырехэтажного небоскреба. Просидев там час, совершаешь круговой обзор, любуясь видами мексиканской столицы с высоты птичьего полета. Неужели Быкову не найдется места за одним из шестидесяти столов? Разумеется, заказ у него был принят, и ровно в два часа пополудни он уже рассматривал погруженные в дымку горы, окружающие необъятный и удивительный город, построенный в долине, но вместе с тем на два километра возвышающийся над уровнем моря.

В разгар рабочего дня посетителей было немного: две семейные пары, стайка туристов да несколько бизнесменов, решающих деловые вопросы за трапезой, как в компании,

так и поодиночке. Видеть их всех одновременно не позволяла конструкция зала, в центре которого возвышалась несущая конструкция, похожая на чудовищный гриб, ножка которого представляла собой колонну в сто обхватов, а шляпка служила навесным потолком.

Между столами по округлой галерее бегали два мальчугана лет четырех или пяти, один смуглый, другой белокурый, словно их выбрали специально для съемок ролика о равноправии человеческих рас.

Всякий раз, когда они оглашали ресторан звонкими воплями, кто-нибудь из официантов или посетителей пугался и напускал на лицо фальшивую улыбку, мол, он не имеет ничего против резвящихся малышей. Их матери, сидящие вдалеке друг от друга, не делали своим сыновьям замечаний, но изредка обменивались долгими взглядами, в которых дружелюбия было ничуть не меньше, чем духа соперничества. Обе были симпатичными, и Быков старательно избегал бросать на них слишком долгие взгляды, чтобы не смущать ни самих женщин, ни их спутников.

Делая заказ, он уже имел представление о некоторых блюдах и успел усвоить, что ни одно из них не обходится без главных компонентов мексиканской кухни: кукурузных лепешек тортильяс и острого перца чили. К этому прилагаются мясные фарши, горы фасоли, наслоения сыра и томатные соусы всевозможной густоты. Считая себя если не знатком, то едоком вполне опытным, Быков попросил принести себе халапеньо, который должен был стать главной изюминкой этого сольного банкета.

— Халапеньо? — переспросил официант.

Профессиональная этика не позволяла ему отговаривать клиента или проявлять сомнение. Поэтому он просто сделал вид, что не расслышал. Тем самым бледнолицему туристу давалась возможность отменить заказ и пойти на попятный без ущерба для своего достоинства.

— Да, — подтвердил Быков. — Халапеньо. На хорошо прожаренном стейке. Как же он называется...

— Аррачоро, — подсказал официант, смягчив рычащее слово полуулыбкой. — Итак, господин желает прожаренный аррачоро с...

Он поднял брови, предлагая Быкову закончить самому.

— Халапеньо, — сказал тот и не удержался от маленькой мести, пояснив с самым невинным выражением лица: — Это такой перец зеленый. — Он показал пальцами. — Говорят, очень острый.

— Да, — согласился официант, опуская глаза. — Но не самый острый.

— Есть острее?

— Например, серрано. А король всех перцев — хабанеро.

— Хабанеро, — с удовольствием повторил Быков. — Вот что, дружок, неси мне его, а не халапеньо. И, конечно, чего-нибудь запить. — Он подмигнул, давая понять, что кое-что понимает в острых приправах. — Бутылку воды без газа и красного вина...

— «Мерло»? — произнес официант, как бы размышляя вслух.

— Нет, что-то местное, — решил Быков. — Если уж наслаждаться мексиканской кухней, то по полной программе, не так ли?

— Си, сеньор. Я принесу «Кариньян», если желаете.

Быков изъявил такое желание и остался ждать, поглядывая сквозь панорамное окно на Мехико. Его левая рука была вольготно переброшена через спинку стула, а правая бесцельно листала сенсорные страницы мобильного. Почувствовав на себе взгляд одной из мамаш, он машинально распрямил спину и подобрал живот. За минувший год он сбросил вес до девяноста килограмм, но при его росте это было многовато. Будь Быков на полголовы выше, он со своими усами мог бы сыграть роль Портоса в очередной экранизации бессмертной мушкетерской саги. Волосы его, правда, с каждым годом утрачивали былую пышность, так что приходилось стричь их все короче и короче, отказываясь от романтического облика. Зато одевался Быков по-прежнему

непринужденно и свободно, показывая тем самым, что в его положении совсем не обязательно рядиться в пиджаки, галстуки и скучные однотонные рубашки.

Не переставая посматривать на дисплей, Быков покосился на мать маленького мальчугана и с некоторым огорчением понял, что взгляд ее направлен не на него, а дальше. Он повернул голову и увидел, что через стол от него сидит сухощавый и явно невысокий мужчина с очень прямой осанкой. Каменное выражение обветренного лица и прямой нос, отходящий прямо от лба, придавали ему сходство с каким-нибудь древним идолом инков или майя. Но дело было не в его внешности, а в том, что он приготовился съесть то же самое блюдо, которое заказал Быков, только раньше. Оставалось лишь проглотить слюну при виде того, как незнакомец надкусил аппетитно прожаренную перчинку, разжевал и отправил в рот кусок мяса. В облике его при этом ничего не изменилось, и Быков убедился, что не так страшен черт, как его малюют — то есть не так горек мексиканский перец, как о том пишут.

Когда официант принес ему слегка поджаренный зеленый стручок на стейке, Быков предусмотрительно наполнил бокал и откусил. Дальнейшее было настоящей катастрофой. Дыхание прекратилось. По гортани и пищеводу разлился обжигающий огонь. Окружающий мир пропал, сузившись до ощущения пламенного комка в горле.

— Кха! Кха!

Собственный кашель долетал до Быкова словно издалека. Схватив бокал, он влил вино внутрь себя, но не погасил пожар, а лишь раззадорил его. Действуя пальцами почти на ощупь, Быков сорвал колпачок с бутылки и стал жадно пить воду. Ему не было дела до того, что все присутствовавшие в зале официанты наблюдали за ним украдкой и посмеивались над глупым европейцем, вздумавшим мериться с ними выносливостью вкусовых рецепторов. Он не обращал внимания на перешептывающихся мальчиков, указывающих на него пальцами. Он хотел только одного: чтобы огонь внутри погас.

— Кха! Кха!

Быкову почудилось, что от его натужного кашля ресторан покачнулся. Он потянулся за вином, чтобы налить себе еще, но бутылка медленно поползла от его пальцев. Это никуда не годилось! Вода у Быкова закончилась, а позвать официанта он не мог по причине паралича голосовых связок. Он вытянул руку сильнее и вновь поймал пустоту. Бутылка упала со стола, не разбилась и покатила по подпрыгивающему полу, расплескивая содержимое. Все затряслось, завибрировало, задергалось. С некоторым изумлением Быков обнаружил, что не может подняться со стула — настолько сильна качка.

Повсюду нарастал общий крик растерянности и страха. Схватившийся за стол Быков заскользил вместе с этим самым столом в сторону окна. «Вот так перчик!» — пронеслось в его мозгу.

Мысль была нелепой и уморительной в своей абсурдности, но Быкову было не до смеха. Он уже понял, что в Мехико началось землетрясение, и, находясь на высоте двухсот метров, ему суждено узнать об этом явлении гораздо больше, чем того хотелось бы.